Цензурные мелочи.

Ки

WSVOrN
ПЕНЗАБНРІС

И. БОДУЭНЪ-де-КУРТЕНЭ
(J. Baudouin de Courtenay).

Левъ Владимировичъ
ЩЕРБА.

ЦЕНЗУРНЫЯ МЕЛОЧИ.

I.

Князь Бисмаркъ и гоненіе „Славянъ“.

Honny soit qui mal y pense.

Краковъ (Kraków).
Изданіе автора.
Книжный магазинъ Гебетнера и К° (Gebethner i Sp.).
1898.

Проверка
2007

Библиотека
филологического
факультета СПбГУ
№ 19-2430 И(Н)/010

Кэф
Б-75

Когда самый замѣчательный изъ новѣйшихъ всемірно-историческихъ разбойниковъ, начиненный человѣконенавистничествомъ, затѣялъ поголовное изгнаніе многихъ тысячъ людей за то только, что они имѣли несчастіе родиться Поляками, этотъ патріотическій подвигъ »маститаго объединителя Германіи« не могъ остаться безъ отклика со стороны интелигентнаго польскаго общества, тѣмъ болѣе, что это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи человѣчества случаевъ, когда оскорбленное чувство національной солидарности звучитъ за [illegible], звучитъ гармонически съ чувствомъ простой человѣческой справедливости и гуманности. Съ одной стороны грубое насиліе осерчалаго истребителя человѣческихъ существъ, поддерживаемое всѣми средствами, находящимися въ распоряженіи у новѣйшаго государственнаго механизма, съ другой же стороны беззащитные старики, женщины и дѣти, лишаемые крова и куска хлѣба за одну только этнографическую при-

надлежность къ славянскому племени. Тутъ не могло быть колебаній. Только или продажныя, или зачерствѣлыя и въ конецъ изгадившіяся и опоганившіяся души могли одобрять мѣры, предпринятыя тогда прусскимъ правительствомъ по почину неугомоннаго канцлера. Всѣ хотя маломальски честные люди, къ какой бы національности они ни принадлежали, должны были считать эти дѣйствія Пруссаковъ позорными и безцѣльно жестокими. Имъ, этимъ дѣйствіямъ, было только одно оправданіе, т. е., собственно, не оправданіе, но научное объясненіе: атавистически пробудившіеся инстинкты стадной исключительности, хищности и кровожадности.

Не мудрено послѣ этого, что безпощадная прусская проскрипція была встрѣчена всеобщимъ негодованіемъ въ польской текущей публицистикѣ и въ польской поэзіи.

Живя тогда вдали отъ польскаго общества, но все таки слѣдя по возможности за его умственнымъ движеніемъ, я пожелалъ познакомить съ нимъ тоже русскую читающую публику и, взявъ трехъ поэтовъ, посвятившихъ нѣсколько »теплыхъ словъ« человѣколюбивымъ подвигамъ князя Бисмарка, составиль о нихъ ниже сообщенную статью п. з. »Изъ новѣйшей польской поэзіи«. Считая »Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго бла-

готворительнаго общества« самымъ подходящимъ журналомъ, я и отправилъ свою рукопись одному изъ его тогдашнихъ редакторовъ, К. Н. Бестужеву-Рюмину.

Бестужевъ-Рюминъ очень обрадовался моей статьѣ, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ въ письмѣ его на имя моей жены (отъ 5 марта 1887 г.):

»Ивана Александровича очень благодарю за его прекрасную статью. Если цензура позволитъ, то она появится въ апрѣльской книжкѣ; но я буду просить позволенія уничтожить все конечное обращеніе. По моему, его нельзя напечатать, особенно въ »Извѣстіяхъ« . . . Вообще статья очень интересная«.

Затѣмъ, 19 марта 1887 г. Константинъ Николаевичъ писалъ мнѣ:

»Я . . . . . уже передалъ всѣ бумаги П. Г. Моравеку, котораго и попрошу послать къ Вамъ окончаніе Вашей прекрасной статьи. Опять повторяю, что обращенная на одинъ фронтъ, она намъ подходитъ, — не знаю впрочемъ, не встрѣтитъ-ли она препятствій въ Аз. Департ. [1]), — но окончаніе (т. е. послѣднія строки) неудобно. Не знаю даже, будетъ-ли хорошо помѣстить его хотя-бы въ другой формѣ, по положенію журнала . . .

»Былъ бы журналъ мой собственный, я напечаталъ бы все, а то вѣдь онъ не мой. Впрочемъ своего я и не завелъ бы, — и этотъ мнѣ надоѣлъ, хотя вообще я съ нимъ мало имѣю дѣла«.

---

[1]) Т. е.: въ Азіатскомъ Департаментѣ.

»Конечное обращеніе«, о которомъ говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, состояло въ томъ, что послѣ одобренныхъ и имъ самимъ строкъ:

»Станетъ-ли дремлющая въ сердцахъ поляковъ ненависть когда-нибудь живою силой, если не измѣняющей вѣковое теченіе подъ лозунгомъ „Drang nach Osten“ въ теченіе противоположное „Drang nach Westen“ [объ этомъ пока нечего думать славянамъ], то, по крайней мѣрѣ, успѣшно останавливающей побѣдные набѣги тевтоновъ?«

въ первоначальной редакціи у меня стояли еще слѣдующія строки, недопускаемыя редакціею »Извѣстій«:

»Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ прежде всего отъ рѣшенія другого, слѣдующаго вопроса: Прекратится ли когда либо всеобщая травля поляковъ? Перестанутъ ли когда либо доноситься съ востока до ушей поляковъ по преимуществу одни только слова злобы, мести, ненависти и жажды истребленія?«

Въ угоду редакціи я и замѣнилъ эти заключительныя строки другими, не столь рѣзкими:

»Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать не надъ Вислою, но преимущественно надъ Невой и Москвой-рѣкой«.

Но и въ этой столь мягкой формѣ мое »конечное обращеніе« показалось редакціи »Извѣстій« неудобнымъ, какъ видно изъ письма ко мнѣ другого редактора »Извѣстій«, П. Г. Моравека (отъ 16 апрѣля 1887 г.):

»К. Н. Бестужевъ не находитъ возможнымъ помѣ-

стить окончаніе Вашей статьи и въ иной формѣ, о чемъ вѣроятно и самъ написалъ уже Вамъ«.

Дѣлать было нечего, и я согласился на устраненіе заключительныхъ словъ моей статьи. Редакція сдала ее въ наборъ, я прочелъ корректуру и преспокойно дожидался появленія моей статьи въ »Извѣстіяхъ«, какъ вдругъ 11 мая 1887 г. получилъ слѣдующее утѣшительно извѣстіе отъ П. Г. Моравека:

»Вашу статью постигло несчастье — цензура Мин. Иностр. Дѣлъ ее вычеркнула цѣликомъ, продержавъ номеръ болѣе мѣсяца. Всѣ мои хлопоты были безуспѣшны. *Quos deus perdere vult — dementat.* Хорошо бы помѣстить ее гдѣ нибудь — хотя бы у Шарапова въ Р. Дѣлѣ, гдѣ ее возьмутъ съ удовольствіемъ.

»Въ то же время считаю долгомъ Васъ извѣстить, что Бестужевъ и я слагаемъ съ себя званіе редакторовъ »Извѣстій«, начиная съ сентября мѣсяца, и благодарить за желаніе дать намъ Вашу статью«.

И такъ, черезъ посредство П. Г. Моравека я препроводилъ свою статью въ корректурномъ экземплярѣ въ редакцію »Русскаго Дѣла« (въ Москвѣ). Опять чтеніе корректуры, опять ожиданіе окончательнаго отпечатанія, и опять тотъ-же результатъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ мнѣ 25 декабря 1887 г. С. Ѳ. Шараповъ:

»Съ Вашей статьей цѣлый рядъ приключеній. Я собирался ее напечатать въ N. 12/13, но рѣшилъ, въ виду двукратныхъ запрещеній, показать конфиденціально цензору. Тотъ взялъ почитать и читалъ $1^1/_2$ мѣ-

сяца, т. е. читать не читалъ, а конфиденціально же препроводилъ въ Г. У. [1]) по дѣламъ печати. Понятно, какой получился отвѣтъ! Ужасно досадно, да ничего не подѣлаешь. Могутъ страшно навредить«.

По правдѣ сказать, я теперь даже очень доволенъ тогдашнимъ исходомъ этого дѣла и благодаренъ цензурѣ за то, что она вырѣзала мою статью изъ »Извѣстій Славянскаго благотворительнаго общества« и запретила »Русскому Дѣлу« отпечатать ее. Я тогда сильно увлекся и, сходя съ возвышенной общечеловѣческой точки зрѣнія, заигралъ на »славянскихъ гусляхъ«, а такія именно пѣсни и предшествуютъ обыкновенно »подъему народнаго духа« и слѣдующимъ за нимъ человѣческимъ бойнямъ и взаимнымъ истребленіямъ племенъ и народовъ. Тутъ зазвучала патріотическая струнка, а между тѣмъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Потугина въ »Дымѣ« Тургенева, слова въ родѣ »патріотизма«, »народности«, »славы« и т. п. »кровью пахнутъ« и во всякомъ случаѣ только количественно, но ничуть не качественно отличаются отъ шовинистическаго остервенѣнія и одичанія. И не мудрено, такъ какъ »патріотизмъ« въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова есть примѣненіе принципа ходячей нравственности: »если меня огра-

---

[1]) Т. е.: Главное Управленіе.

бять — это скверно, но если я ограблю — все въ порядкѣ«. А какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ этомъ, надо быть послѣдовательнымъ. Сдѣлавъ первый шагъ по извѣстному пути, должно идти далѣе, помня нѣмецкое изреченіе: „Wer A sagt, muss auch B sagen“.

Подъ лозунгомъ »борьбы Славянъ съ Нѣмцами« устраиваются происходящія въ Чехіи нѣмецко-чешскія неистовства, взаимные разбои и грабежи. Подъ тѣмъ же лозунгомъ негодяи, именуемые профессорами университета и ассистентами Бреславльской клиники, принуждаютъ больныхъ, не знающихъ нѣмецкаго языка, говорить по нѣмецки и честятъ ихъ кличкою „polnische Schweine“. Подъ точно тѣмъ же лозунгомъ всемірно-историческій извергъ и открытый послѣдователь принципа „Macht vor Recht“ предпринялъ повальное изгнаніе Поляковъ изъ предѣловъ Прусскаго королевства.

Итакъ, увлекшись въ своей статьѣ патріотизмомъ, я измѣнилъ своимъ тогда уже давно сложившимся убѣжденіямъ о необходимости смотрѣть на взаимныя отношенія между народами и государствами съ точки зрѣнія общечеловѣческой справедливости. Въ свое оправданіе я могу сослаться на то, что подобныя уклоненія случаются не со мною

однимъ. Довольно указать хотябы на тотъ фактъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ громадное большинство (816 изъ около 1,000) ординарныхъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ позволили себѣ вмѣшаться во внутреннія дѣла Австріи, признавая за одними только Нѣмцами права на всестороннее и ничѣмъ не задерживаемое развитіе [1]).

[1]) Вотъ относящаяся сюда статья *Neue Freie Presse* (Wien, 17 Juli 1897, Nr. 11817, Morgenblatt) подъ загл. „Die Universitäten Deutschlands für die Deutschen in Oesterreich“:

„Auf Anregung der Universität Heidelberg haben sämmtliche deutschen Universitäten eine Sympathie-Kundgebung für die Prager deutsche Universität aus Anlass ihrer Haltung in der Sprachenverordnungs-Frage unterzeichnet, welche sich zu einer Kundgebung für die Deutschen in Oesterreich gestaltet. Von den ungefähr 1000 ordentlichen Professoren der Universitäten des deutschen Reiches haben 816, also die überwältigende Majorität, die Adresse unterzeichnet. Namentlich die *Träger berühmter Namen* haben fast ausnahmslos ihre Unterschrift unter dieses denkwürdige Document gesetzt. Eine solche Kundgebung steht beispiellos in der Geschichte da: es ist das erstemal, dass die *Träger der* **deutschen Wissenschaft** sich in so grosser Zahl zu *gemeinsamer That* vereinigt haben. Sie giengen hiebei offenbar von der Ueberzeugung aus, dass, bei aller Anerkennung der nothwendigen politischen Trennung des deutsch-österreichischen Volkes von dem grossen Stammvolke im Reiche, die Universitäten wie früher, so auch heute noch berufen sind, für den nationalen Gedanken, der keine Grenzpfähle kennt, wo die Noth es erheischt, energisch einzutreten.

„Die Kundgebung, welche uns von einer deutschen Universität zur Veröffentlichung übersendet wurde, lautet:

„„In dem grossen und schweren Kampfe, den heute die Deutschen Oesterreichs um ihre nationale Existenz und ihre berechtigte

Если такимъ знаменитостямъ, какъ Virchow, R. W. Bunsen, Ernst Haeckel, W. Wundt, Kuno Fischer, Leuckart, Röntgen, Th. Mommsen, W. Wattenbach, J. Caro, K. Krummbacher, Johannes Schmidt, H. Osthoff, B. Delbrück, A. Bezzenberger, A. Leskien, Karl Brugmann, H. Paul, H. Hübschmann, Hanns Delbrück, Falckenberg, Eucken, P. Natorp, C. Gegenbaur, Friedrich v. Esmarch, A. Kussmaul, Jolly, E. v. Bergmann, Harnack, L. Stieda, W. Ostwald, Loeschcke, H. Emminghaus, E. Kraepelin, K. Bücher, E. Strasburger и мн. др., можно являться представителями насту-

---

Stellung in der alten von ihnen geschaffenen und in erster Linie durch ihre Kraft erhaltenen habsburgschen Monarchie zu kämpfen gezwungen sind, hat die Prager Universität, *die älteste* **deutscher Zunge**, mannhaft das Wort ergriffen, um auf gesetzlichem Wege die grossen Gefahren zu betonen, die ihr, *der uralten Stätte* **deutscher Wissenschaft,** und dem ganzen *deutschen Volksthum* in Böhmen und Mähren drohen.

„Die unterzeichneten ordentlichen Professoren der Universitäten des deutschen Reiches drücken den Collegen der ehrwürdigen österreichischen Schwester-Universität ihre wärmsten und lebhaftesten Sympathien zu ihrem Vorgehen aus und geben der Ueberzeugung Ausdruck, dass Millionen national gesinnter Bürger des deutschen Reiches mit ihnen in diesen Gefühlen sich einig wissen"".

Просто удивленіе возбуждаетъ своимъ »безпристрастіемъ« извѣстный боннскій ботаникъ, E. Strasburger, полякъ изъ Варшавы, примкнувшій все таки къ стадному заявленію защитниковъ »нѣмецкой науки«.

пательнаго шовинизма, то тѣмъ позволительнѣе было мнѣ защищать угнетаемыхъ сопленниковъ.

Такъ бы казалось съ перваго взгляда. Однакожъ, если сообразить, что подъ нѣмецкимъ патріотическимъ манифестомъ подписалось цѣлое стадо, я же составилъ свою статью самолично и единолично, то моя нравственная отвѣтственность окажется несравненно выше. Во всякихъ стадныхъ проявленіяхъ стушевываются личности, одинъ прячется за другого и вмѣняемость разлагается въ одинаковой степени на всѣхъ участниковъ. Въ стадѣ исчезаетъ личная отвѣтственность и вмѣняемость. Это и объясняетъ намъ жестокіе и позорные приговоры, произносимые заочно, безъ подсудимыхъ и безъ свидѣтелей, даже профессорскими коллегіями! Стадо всегда остается стадомъ и производитъ пресквернос вліяніе на личность: какъ »трусы« въ одиночку превращаются въ стадѣ въ храбрецовъ и »героевъ«, такъ-же точно глубочайшіе мыслители въ одиночку — становятся въ толпѣ дурацкими и безмозглыми пѣпками, способными только кричать »у р а !« и демонстративно заявлять о своихъ »чувствахъ«. »Одинъ въ полѣ не вонъ«, но мыслящій человѣкъ — всегда одинъ, и „я“ несравненно отвѣтственнѣе цѣлаго стада.

Стало-быть, мнѣ все таки пришлось бы при-

знать себя гораздо отвѣтственнѣе стада нѣмецкихъ профессоровъ, еслибы мнѣ на выручку не подоспѣлъ знаменитый нѣмецкій историкъ. Никогда не отличавшійся чувствомъ справедливости и человѣчности, всегда поклонявшійся только грубому насилію и государственному успѣху, теперь-же къ тому еще одряхлѣвшій и разъѣдаемый старческою злобой, Th. Mommsen, уже на свой собственный страхъ, не прячась ни за какую коллегію, призываетъ прямо австрійскихъ Нѣмцевъ къ дробленію чешскихъ череповъ и къ бунту противъ австрійскаго правительства, если оно не будетъ твердо стоять на томъ, что Нѣмецъ за то только, что онъ Нѣмецъ, долженъ командовать вездѣ, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Ну, а это ужъ по части шовинизма нѣсколько почище моей скромной статейки »Изъ новѣйшей польской поэзіи«.

Но если эта статейка была дѣйствительно скромною по своей задачѣ, если цѣль ея состояла только въ ознакомленіи русской читающей публики съ умственнымъ движеніемъ Поляковъ на основаніи незапрещенныхъ русскою цензурой поэтическихъ произведеній, мало того, если эта статья была собственно руссофильскою статьей польскаго происхожденія, то спрашивается: Почему та-же русская цензура обошлась со мною такъ жестоко? Почему

она столь безжалостно запретила мое вполнѣ »благонамѣренное« и вполнѣ искреннее произведеніе?

А вотъ именно потому, что оно было искреннее, безъ фарисейства, безъ лицемѣрія, безъ недосказанностей, безъ чтенія между строкъ. По мнѣнію многихъ сильныхъ міра сего, искренности не полагается, искренность есть порокъ. Вѣдь одному изъ самыхъ выдающихся мыслителей запрещено говорить публично за то только, что онъ рѣшился открыто объявить себя убѣжденнымъ монархистомъ и убѣжденнымъ православнымъ. Убѣжденные, молъ, намъ не нужны. Очевидно, не доросли мы еще до убѣжденій, — »мы«, т. е. современники, не только въ Россіи, но и въ пресловутой »Европѣ«.

Затѣмъ, позволительно предполагать, что непогрѣшимый и всемогущій князь Бисмаркъ внушалъ страхъ кому слѣдуетъ и кому не слѣдуетъ, при чемъ могла играть немаловажную роль тоже извѣстнаго рода Wahlverwandtschaft между »бонапартистами« всѣхъ странъ. Les beaux esprits se rencontrent. Schöne Seelen finden sich. У любителей исключительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ извѣстныхъ національностей и вѣроисповѣданій, распоряженія князя Бисмарка объ изгнаніи Поляковъ за то только, что они Поляки, могли были быть встрѣчены только дружнымъ хоромъ

аплодисментовъ и одобрительныхъ возгласовъ. Вѣдь Германія стала тогда входить на скользкій путь исключительныхъ противузаконныхъ мѣръ, примѣняемыхъ уже раньше и столь »успѣшно« въ другихъ странахъ. Вѣдь »цивилизованное«, »европейское« государство поощряло своимъ авторитетомъ всякія антипольскія, антиеврейскія, антикатолическія и др. т. п. мѣропріятія. И какъ-же послѣ этого не стоять горой за германскаго канцлера, заявившаго цинично „Macht vor Recht“, кликнувшаго кличъ, освобождающій отъ всякой законности, и начавшаго безпощадное гоненіе непріятныхъ для него національностей и вѣроисповѣданій?

И кого-же онъ прежде всего стибалъ въ бараній рогъ? Вѣдь тѣхъ-же людей, про которыхъ одинъ изъ щедринскихъ героевъ-цивилизаторовъ повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ:

»»Надзѣя« — надежда, »смѣтанка« — сливки, »до зобаченья« — до свиданья — конечно, все это слова очень обыкновенныя, но — странное дѣло! — мы, просвѣтители, не могли выносить ихъ. Намъ казалось — ну, какъ не бить людей, которые произносятъ такія слова?« [1]).

---

[1]) М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ): »Ташкентцы обратившіеся внутрь«, въ полномъ изданіи сочиненій Салтыкова озаглавленные »Они же« и составляющіе часть цѣлаго цикла «Господъ Ташкентцевъ«.

Вѣдь для этихъ-же людей вывѣшивались надписи въ родѣ тѣхъ, какія мнѣ приводилось встрѣчать въ 1885 г. въ волостныхъ правленіяхъ Ковенской губерніи:

»Говорить по польски строго воспрещается. Мировой посредникъ 1-го стана Ковенскаго уѣзда, Войно«.

И больше ничего: никакой ссылки на какой бы то ни было законъ, никакого подкрѣпленія какимъ бы то ни было авторитетомъ повыше »мирового посредника«! Точно »курить строго воспрещается«, »здѣсь мочиться воспрещается« или т. п. [1]).

Да и не одни мировые посредники отличались этимъ полякоѣдствомъ. Имъ заражались тоже люди идейные, стоявшіе, казалось бы, выше всѣхъ этихъ мелочныхъ »междуусобицъ«, люди, заявлявшіе громогласно о своей любви ко всѣмъ Славянамъ и причислявшіе къ этимъ »любимымъ« ими Славянамъ тоже Поляковъ.

Въ 1871 г. мнѣ привелось быть на вечернемъ собраніи у А. Ѳ. Гильфердинга, человѣка дѣйствительно вполнѣ достойнаго и безкорыстно преданнаго идеѣ. Въ числѣ другихъ гостей явился тоже какой то полковникъ. Александръ Ѳедоровичъ

---

[1]) Впрочемъ, не стѣсняясь вовсе подобною надписью, сами-же волостные писаря обыкновенно первые заговаривали по польски. Каковъ »законъ« — таково и исполненіе его.

познакомилъ насъ. Полковникъ, не разслышавъ хорошо моей фамиліи, спросилъ: »что, этотъ господинъ Чехъ?« [1]). Тогда Гильфердингъ, боясь, чтобы изъ моихъ устъ не пало избѣгаемое слово, торопливо отвѣтилъ: »нѣтъ, г. Бодуэнъ... варшавскій уроженецъ« (чуть чуть не »привислянскій уроженецъ«). Очевидно слово »полякъ« было для гостей Александра Ѳедоровича чѣмъ то въ родѣ »жупела«, наводящаго страхъ на героевъ одной изъ комедій Островскаго. Боязнь словъ — могущественный факторъ въ исторіи человѣчества.

Ну, а если говорить по польски есть преступленіе, родиться же Полякомъ — позоръ, то прямымъ послѣдствіемъ подобнаго »міровоззрѣнія« являются разные подлоги на этнографической подкладкѣ: Хотя ты и родился Полякомъ и дома говорилъ по польски, но тѣмъ не менѣе ты долженъ

---

[1]) Въ то время Чехи были въ модѣ, т. е. не Чехи вообще, но особаго рода Чехи, цѣлыми дюжинами принимавшіе православіе съ цѣлью устроить себѣ педагогическую карьеру въ Россіи. Одинъ изъ такихъ господъ, излагая мнѣ свои планы въ ближайшемъ будущемъ, сказалъ, между прочимъ, »po svátcich přistoupím k pravoslaví« — съ точно такимъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какъ еслибы говорилъ: »послѣ праздниковъ сошью себѣ новую пару или-же »послѣ праздниковъ переѣду на новую квартиру«. *Alles geschäftsmässig.*

19. 2431 И(Н)/010

отрицать свое происхожденіе и притворяться незнающимъ польскаго языка. Это, дескать, и благонамѣренно, и благоразумно и, пожалуй, даже благородно въ смыслѣ »благородства« въ 14 ступеней. Если на польской биржѣ фонды понизились до нуля. то ты, какъ истый гешефтсманъ, нуждающійся непремѣнно въ патріотической биржѣ, долженъ перейти на русскую или-же прусскую биржу.

При этомъ ты долженъ помнить мудрое изреченіе разныхъ маститыхъ старцевъ, что всѣ Романцы должны сдѣлаться католиками, всѣ Германцы — протестантами, всѣ-же Славяне — православными. И дешево, и сердито. Это несравненно облегчитъ изученіе географіи, »основныя« же »истины« станутъ въ тѣсную зависимость отъ происхожденія даннаго субъекта, совершенно такъ, какъ въ повѣсти польскаго юмориста, Яна Лама (Jan Lam) „Głowy do pozłoty“ [1]).

Примѣненіе подобныхъ принциповъ дѣйствуетъ крайне своеобразно въ нравственномъ отношеніи. Если искренность и прямота убѣжденій наказы-

---

[1]) Мальчикъ, желающій поступить въ гимназію, экзаменуется изъ Закона Божья. Священникъ спрашиваетъ: »Отъ кого происходитъ Святой Духъ?« Мальчикъ не знаетъ. »Дуракъ!« заявляетъ священникъ, »онъ происходитъ отъ Отца и Сына, если ты ritus latini; происходитъ-же только отъ Отца, если ты ritus graeci! — Удивительная зависимость!

ваются, награждаются же подлость и лицемѣріе, то, понятно, многіе и станутъ предлагать товаръ, на который имѣется столь значительный спросъ на житейскомъ рынкѣ. Конечно, подобнаго покупателя нельзя считать пріятелемъ, и невольно развивается въ не совсѣмъ испорченныхъ душахъ ненависть къ нему и стремленіе обмануть его всевозможнымъ образомъ. Не всѣ-же могутъ идти по стопамъ покойнаго Станислава Павловича Мшуцкаго [1]), цинически угова-ривавшаго университетскую молодежь транскрибиро-вать польскія и литовскія книжки русскимъ алфа-витомъ, и вообще имѣвшаго на эту молодежь крайне растлѣвающее нравственное вліяніе, но тѣмъ не ме-нѣе поддерживаемаго въ свое время даже высоко стоявшими людьми.

Но зачѣмъ бы и церемониться съ нравствен-ностью людей, которыхъ нельзя не бить за то, что они вмѣсто »надежда« говорятъ »надзѣя«, вмѣсто же »сливки« — »сметанка«? Напротивъ того, на каждомъ шагу слѣдуетъ оказывать имъ полное пре-зрѣніе и признавать ихъ несуществующими.

Въ помѣщеніяхъ желѣзнодорожнаго вокзала въ г. Ковнѣ красовались надписи, предостерегающія отъ воровъ и запрещающія куреніе табаку, на язы-

[1]) Въ послѣдніе годы своей жизни профессора Варшавскаго университета.

кахъ русскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ (т. е. на мѣстномъ еврейско-нѣмецкомъ говорѣ еврейскими буквами!) [1]), съ безусловнымъ исключеніемъ какъ польскаго, такъ и литовскаго языка, не смотря на то, что самъ городъ Ковно по крайней мѣрѣ на столько-же польскій, на сколько и нѣмецко-еврейскій, и несмотря на то, что поля Ковенской губерніи орошаются пóтомъ литовскаго земледѣльца.

Конечно, и господа, вырѣзывавшіе мою статью изъ »Извѣстій славянск. благотв. общества« и изъ »Русскаго Дѣла«, руководствовались тѣмъ-же безусловнымъ презрѣніемъ къ слабымъ и покореннымъ народностямъ. Что и по настоящее время по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ихъ товарищей по ремеслу смотрятъ такимъ-же образомъ на это дѣло, на это есть у меня въ рукахъ наглядное доказательство.

5 (17) декабря 1897 г. я отправилъ по нѣсколько экземпляровъ составленнаго на русскомъ языкѣ обращенія сербо-лужицкихъ патріотовъ или, точнѣе, народолюбцевъ къ своимъ друзьямъ и знакомымъ въ Петербургъ, въ Москву, въ Казань и въ Юрьевъ (Дерптъ), все подъ открытыми бандеролями. И вотъ бандероль подъ адресомъ »Ми-

---

[1]) Это я видѣлъ собственными глазами въ 1885 году; такъ-ли тамъ еще и теперь, не знаю.

хаилу Александровичу Дьяконову, профессору университета, г. Юрьевъ (Дерптъ), была задержана варшавскою цензурой и черезъ нѣсколько дней (9/21 декабря) возвращена въ Краковъ со слѣдующею надписью: *„retour Krakau, Inhalt von der Censur verboten, daher retour“* [1]). Эту бандероль я непремѣнно сохраню себѣ на память; пока же считаю не лишнимъ познакомить читателя съ полнымъ содержаніемъ этого отправленнаго мною яко-бы преступнаго воззванія. Вотъ оно:

На крайнемъ западѣ Славянскаго міра, въ Саксоніи и Бранденбургѣ, составныхъ частяхъ современной Германіи, на землѣ своихъ славянскихъ прадѣдовъ, по берегамъ рѣки Спревы, раскинуты селенія древняго народа Вендовъ въ области Лужицѣ (по нѣмецки Lausitz) — жилища нынѣшнихъ Лужицкихъ Сербовъ съ городомъ Будышиномъ (по нѣм. Bautzen).

»По свидѣтельству древнихъ лѣтописей, съ XI-го вѣка, со времень распространенія христіанской вѣры, на берегахъ рѣки Лабы и Одры, Славяне тѣхъ странъ вели неравную борьбу за свой бытъ, за свое существованіе, въ продолженіи семи вѣковъ. Въ XVII и XVIII столѣтіи заглохло имя Вендовъ и Сербовъ въ исторіи, остатки же нѣкогда большого народа уцѣлѣли на землѣ, непривлекающей болѣе воинственнаго сосѣда.

Сохраняя свой древній языкъ и славянскіе обычаи, замкнутые въ себѣ остатки Славянъ, Лужицкіе Сербы,

---

[1]) Другія, не-варшавскія отдѣленія цензуры обошлись со мною снисходительнѣе. По крайней мѣрѣ, мнѣ достоверно извѣстно, что петербургскіе адресаты получили отправленныя къ нимъ бандероли.

подъ благопріятнымъ воздѣйствіемъ всеславянской идеи и благодаря участію первыхъ славяновѣдовъ XIX вѣка (Добровскаго, Гильфердинга, Срезневскаго, Шафарика, Мацѣевскаго, Коллара, Котляревскаго и многихъ другихъ*) скоро убѣдились въ своемъ родствѣ съ великой семьей славянскихъ народовъ и въ лицѣ своихъ передовыхъ людей приступили къ серьезной работѣ — къ возобновленію и развитію своей славянской письменности.

»Труды лужицкихъ передовыхъ людей по разработкѣ родного, въ высшей степени характернаго древнеславянскаго нарѣчія, несмотря на тяжесть этой задачи среди иноплеменнаго, нѣмецкаго населенія, увѣнчались отраднымъ успѣхомъ.

»Лужицкіе Сербы (числомъ не болѣе 200.000 душъ) въ настоящее время имѣютъ 9 своихъ періодическихъ изданій, кромѣ того изданы книги для начальнаго обученія, чтенія для народа, сборники поэтическихъ произведеній, грамматики, словари, церковныя книги, новые переводы Библіи и др.; у нихъ дѣйствуютъ три литературныхъ общества для распространенія славянской грамоты и просвѣщенія среди народа.

»Къ такому результату довело безкорыстное и безвозмездное посвященіе силъ сербскихъ труженниковъ на благо народа.

»Однако возрождающіеся къ новой жизни Лужицкіе Сербы — живой островъ среди бушующихъ волнъ — со временемъ должны были подумывать еще о болѣе прочныхъ устояхъ для поддержки всѣхъ за дорогую цѣну ими добытыхъ успѣховъ.

»Для сохраненія своей народной самобытности Лужичане сознали потребность въ такомъ учрежденіи, которое своимъ видомъ и значеніемъ упрочивало бы въ серд-

---

*) Исторія Славян. литерат. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, С.-Пб. 1881 г. стр. 1032—1092.

цахъ народа его славянское сознаніе среди торжествующаго германства.

Средоточіемъ и руководителемъ всѣхъ проявленій народной дѣятельности Лужицкихъ Сербовъ въ пятьдесятъ лѣтъ своего существованія служило и служитъ общество Матица Сербска *(Maćica Serbska)*, которое кромѣ ближайшей своей цѣли, просвѣщать родное племя на родномъ языкѣ и сохранять въ немъ общеславянское сознаніе, старательно поддерживало связь лужицко-сербскаго народа съ литературными обществами всѣхъ славянскихъ народовъ.

»Для этого общества наступила пора осуществить идеальныя стремленія своихъ пробудителей, подкрѣпить внутреннюю народную жизнь и изъ мрака культурныхъ предубѣжденій выдвинуть на свѣтъ Божій остатки славянскаго народа на его родной почвѣ въ Саксонской Лужицѣ и Бранденбургѣ для него самого и во славу всего родственнаго ему племени Славянъ.

Литературное общество Лужицкихъ Сербовъ. Матица Сербска, рѣшило въ годъ полувѣкового существованія и непрерывной дѣятельности, въ 1897 году положитъ основаніе Народному Дому, который представлялъ бы видимый для друга и недруга центръ лужицко-сербской народной жизни.

Народный домъ долженъ служить для народныхъ и разныхъ общественныхъ собраній, публичныхъ чтеній, для помѣщенія библіотеки, читальни, архива, музея, типографіи, вкратцѣ, долженъ служить убѣжищемъ и хранилищемъ всего того, что у другихъ многолюдныхъ народовъ составляетъ ихъ культурный организмъ.

Народный домъ будетъ не только свидѣтельствомъ современной жизни и живучести Лужицкихъ Сербовъ, ихъ правоспособности въ своемъ быту, у будущихъ поколѣній, но и явнымъ памятникомъ далекаго прошлаго

исторической жизни, пройденной этимъ въ наше время наименьшимъ славянскимъ племенемъ на западѣ.

Мысль о построеніи народнаго дома Матицы Сербской не нова. Уже въ 1869 году вожди Лужицкихъ Сербовъ, поэтъ А. Зейлеръ и вмѣстѣ съ нимъ издатель газеты »Сербске Новине«, Н. Э. Смоляръ, приступили къ ея осуществленію. Въ 1873 году Смоляръ купилъ мѣсто въ 1450 □ метровъ въ лучшей части города Будышина вмѣстѣ съ постройками, непригодными для данной цѣли, за 35.000 рублей. Съ тѣхъ поръ комитетъ по строенію народнаго дома уплатилъ около $^6/_7$ частей всей этой суммы.

»Для постройки-же новаго цѣлесообразнаго дома нужно приблизительно 135 тысячъ рублей. Среди однихъ Лужичанъ долго было бы собрать и копить такую сумму, а между тѣмъ откладывать дѣло насущной потребности не было бы безопасно.

»Однако зная, что сосѣдній чехославянскій народъ еще недавно на доброхотныя пожертвованія народной лепты построилъ свой народный театръ (и содержитъ и другія народныя учрежденія) и что между Славянами всѣхъ странъ есть не мало людей, уважающихъ историческае достояніе своего народа, а также готовыхъ поддержать идеальныя стремленія меньшого брата. Лужицкіе Сербы не останавливаются передъ трудной задачей, и ободряются надеждою въ своемъ задушевномъ предпріятіи встрѣтить сочувствіе всего Славянства, и потому ради осуществленія своей родной мечты рѣшились стучаться ко всѣмъ доброжелателямъ общеславянскаго дѣла.

»Всякое пожертвованіе на построеніе народнаго дома въ странѣ Лужицкихъ Сербовъ послужитъ плодотворнымъ зерномъ, дающимъ свой плодъ въ преуспѣяніи историческаго народа, одинаково родственнаго всѣмъ Славянамъ.

»Согласно уставу Матицы Сербской, лице пожертвовавшее сто рублей дѣлается основателемъ сербскаго

Народнаго Дома: жертвователь тысячи рублей становится почетнымъ членомъ Матицы Сербской. Имена почетныхъ членовъ Общество Матицы Сербской вноситъ въ памятную книгу, »книгу благодѣтелей лужицко-сербскаго народа«, и помпаетъ ихъ ежегодно съ именами основателей на очередномъ общемъ собраніи Матицы Сербской въ г. Будышинѣ въ среду постѣ св. Пасхи.

»Пожертвованія для Народнаго Дома Матицы Сербской просятъ адресовать въ г. Фрейбергъ въ Саксоніи (Германія) на имя доктора фил. Эрнеста Муки — *Freiberg in Sachsen. Dr. E. Mucke.*

»Болѣе подробныя свѣдѣнія о постройкѣ сербскаго Народнаго Дома въ г. Будышинѣ желающимъ можетъ сообщить П. М. Голанъ, преподаватель Дворянскаго Института въ г. Нижнемъ Новгородѣ«.

Всякіе коментаріи совершенно лишни.

Въ оправданіе однакожъ господъ цензоровъ, столь презрительно относящихся къ »побѣжденнымъ національностямъ« и »мелкимъ народцамъ«, необходимо замѣтить, что они вѣроятно мнятъ себя твердо стоящими на почвѣ государственности и безусловнаго господства временно сложившагося большинства. Это тотъ-же принципъ, благодаря которому даже самые образованные люди могутъ по мѣстной статистикѣ оказаться безграмотными, если они не знаютъ государственнаго языка. Руководимое тѣмъ-же принципомъ случайно сложившееся національное большинство въ странахъ и городахъ со смѣшаннымъ этнографическимъ характеромъ на-

брасывается съ остервенѣніемъ на всякіе видимые слѣды присутствія другой національности и истребляетъ ихъ безжалостно, съ усердіемъ настоящаго вандала. Про Венгерцевъ или же про Пруссаковъ въ Познани, въ Эльзасѣ и Лотарингіи такъ и говорить не стоитъ; но укажемъ на примѣры изъ другихъ краевъ.

Когда въ полуславянской Горицѣ управленіе городомъ захватили въ свои руки *italianissimi*, они оставили одни только итальянскія названія улицъ. старинный же Travnik переименовали въ Piazza Grande (мысленно въ Piazza Garibaldi или-же Piazza Vittorio Emmanuele). Въ Любляпѣ господствовали раньше „nemškutarji“, и надписи на улицахъ были обыкновенно на двухъ языкахъ, на нѣмецкомъ и на словинскомъ. Когда же при выборахъ въ думу побѣда осталась за Словинцами, эти послѣдніе, въ подражаніе Мадьярамъ. стали устранять по возможности все нѣмецкое, хотя не провели этого съ безусловною послѣдовательностью. Чешскіе шовинисты, восторжествовавшіе въ Прагѣ при выборахъ, рѣшили устранить нѣмецкій языкъ съ угловъ улицъ. Когда же въ послѣднее время »подъемъ народнаго духа« достигъ крайнихъ предѣловъ, той-же участи подверглись тоже нѣмецкія вывѣски и всякія наружныя надписи на пражскихъ

домахъ, и это рядомъ съ лицемѣрнымъ признаніемъ равноправности обѣихъ національностей, населяющихъ Чехію и Моравію. Это окончательное упраздненіе нѣмечины производится подъ лозунгомъ возмездія за прежнія несправедливости Нѣмцевъ по отношенію къ Чехамъ. Долгъ де платежомъ красенъ. Но нетерпимость остается нетерпимостью, дикость остается дикостью, вандализмъ остается вандализмомъ, человѣконенавистничество остается человѣконенавистничествомъ, отъ какой бы стороны они ни происходили.

На томъ-же поприщѣ истребленія прежнихъ названій отличалась не такъ давно и варшавская цензура. Чисто польскія названія Piotrków, Radzymin, Radzyń, Jędrzejów, Mińsk, Będzin, Częstochowa и т. п. рѣшено было въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ стереть съ лица земли, замѣнить ихъ русскими, Петроковъ (Petrokow), Радимінъ (Radimin), Радинъ (Radin), Андреевъ (Andrejew), Минскъ (Minsk), Бендинъ (Bendin), Ченстоховъ (Częstochow!!) и т. д., и внушить всѣмъ издателямъ книгъ и повременниковъ, издававшихся въ »Привислянскомъ краѣ«, строго держаться новаго »правописанія«. Редакторъ, оставившій, вслѣдствіе недосмотра при чтеніи корректуры, напримѣръ, черточку надъ буквою и въ названіи Минска, т. е.

пропустившій въ своей газетѣ Mińsk вм. Minsk [1]), подвергался штрафу въ 25 рублей. Все по образцу Пруссаковъ, строго наказывающихъ за написаніе собственной фамиліи или названія собственнаго имѣнія въ польской формѣ и по правиламъ польскаго правописанія.

Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, я покорнѣйше просилъ бы не подозрѣвать меня въ томъ, что я ратую за »историческія права«. По моему, нѣтъ ничего нелѣпѣе, запутаннѣе и кровожаднѣе всѣхъ такъ называемыхъ »историческихъ правъ«. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ссылки на собственныя »историческія права« является конфликтъ съ »историческими« же правами« другихъ. Кто разъ заграбилъ извѣстный клочокъ земли или-же извѣстную группу рабовъ, тотъ *eo ipso* пріобрѣлъ »историческое право« на вѣчное обладаніе ими. »Историческое право« есть право грубаго насилія, совершеннаго въ прошломъ. Другое дѣло права человѣка, права существующихъ національностей на существованіе, на жизнь, на всестороннюю поддержку и защиту. Эти права священны и неоспоримы; они глубоко коренятся въ чувствѣ справедливости.

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о Минскѣ въ Царствѣ Польскомъ; нынѣ онъ переименованъ въ Новомińск (Nowomińsk), въ отличіе отъ Минска бѣлорусскаго.

врожденномъ каждому нравственно неизуродованному человѣку. Съ этой точки зрѣнія воздавать должное каждой національности есть прямая обязанность государства, во главѣ котораго стоять люди, желающіе быть справедливыми. Государство должно стоять выше національностей, т. е. не сосредоточиваться на одной только національности съ истребленіемъ всѣхъ прочихъ. Тотъ-же принципъ справедливости требуетъ, чтобы языкъ самой многочисленной національности былъ вмѣстѣ съ тѣмъ языкомъ общегосударственнымъ, но отъ этого еще далеко до преслѣдованія языковъ и другихъ проявленій жизни остальныхъ національностей.

И такъ, я самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаю »историческія права« польскаго и вообще какого бы то ни было народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ требую признанія всѣхъ его правъ, проистекающихъ изъ его нынѣшняго существованія.

Свою »нецензурную« статью я издаю теперь какъ историческій документъ дѣятельности цензуры. Я ее издаю съ чистою совѣстью, не принимая на себя нравственной отвѣтственности за то, что тогда написалъ.

Краковъ, въ декабрѣ 1897 г.

Изъ новѣйшей польской поэзіи.

Гоненія на Поляковъ, предпринятыя съ наглымъ цинизмомъ въ запрошломъ и прошломъ году »царемъ царей« Европы, и встрѣченныя съ такимъ восторгомъ нетолько громаднымъ большинствомъ германской прессы, но даже нѣкоторыми органами русской печати, имѣли, по крайней мѣрѣ, одну хорошую сторону. Они пробудили въ самихъ Полякахъ вѣрное пониманіе того, кто ихъ главный врагъ, врагъ безпощадный и неумолимый, а вмѣстѣ съ тѣмъ врагъ сильный и не останавливающійся ни передъ какими средствами, ведущими къ завѣтной цѣли истребленія славянскаго племени въ предѣлахъ Германской имперіи и его ослабленія внѣ этихъ предѣловъ. Нѣкоторые изъ мыслящихъ Поляковъ только теперь сдѣлали это открытіе; другіе, колебавшіеся, перестали колебаться; слабо понимавшимъ значеніе милыхъ западныхъ сосѣдей оно обрисовалось теперь вполнѣ ясно и безъ занавѣсей. Есть, правда, еще политиканы, завѣряющіе, что Бисмаркъ дѣлаетъ все это только для виду, чтобы отвести глаза, но что въ сущности онъ себѣ мотаетъ на усъ и ждетъ не дождется удобнаго случая воскресить старую Польшу во всемъ ея могуществѣ и славѣ. Но число такихъ глубокомысленныхъ политикановъ таетъ съ каждымъ днемъ; да

при томъ же ихъ помѣшательство, могущее, при другихъ обстоятельствахъ, наносить вредъ нормальному развитію внутренней жизни народа, стало, въ виду ихъ малочисленности, да въ виду краснорѣчивыхъ фактовъ, совершенно невинною и безвредною мономаніей.

Довольно просмотрѣть польскія газеты и другіе повременники за послѣдніе мѣсяцы, чтобы убѣдиться, что сѣмена ненависти, посѣянныя вновь всемогущимъ и непогрѣшимымъ Бисмаркомъ, принесли и въ польскихъ сердцахъ желанные плоды, и что нетолько самъ канцлеръ, но и вся гипнотизированная этимъ Змѣемъ Горынычемъ и боготворящая его нація пріобрѣли себѣ въ Полякахъ искреннихъ, хотя, по правдѣ сказать, не очень ужъ опасныхъ враговъ. Ненависть и жажда мщенія — явленія, во всякомъ случаѣ, мало утѣшительныя; но онѣ факты и на нихъ нельзя не обратить вниманія. И вотъ мы отмѣчаемъ въ польскихъ изданіяхъ фактъ почти единодушнаго взрыва негодованія противъ »крестоносцевъ«. Не смотря на разнообразные оттѣнки, — либерализма и консерватизма, клерикализма и свободомыслія, — въ названномъ отношеніи господствуетъ между пишущими Поляками почти единомысліе. Даже галицкіе (краковскіе и львовскіе) Поляки, отличавшіеся всегда замѣчательною тупостью въ политическомъ отношеніи, даже эти близорукіе начинаютъ понимать, что главнаго, самаго опаснаго врага слѣдуетъ имъ искать не на востокѣ, но на сѣверо-за-

надѣ. въ краяхъ. гдѣ на развалинахъ славянства царитъ хищный прусскій орелъ.

Отголоски этого враждебнаго Нѣмцамъ-пруса-камъ направленія польскихъ умовъ замѣтны тоже въ современной польской поэзіи. Ихъ вѣроятно гораздо больше, нежели я лично могъ замѣтить. Во-первыхъ, мнѣ нѣтъ времени слѣдить внимательно за проявленіями беллетристики и публицистики; во-вторыхъ же, живя на чужбинѣ, вдали отъ центровъ польской умственной жизни, могу получать только отрывочныя, случайныя свѣдѣнія о томъ, что тамъ дѣлается.

Изъ того, съ чѣмъ мнѣ пришлось познакомиться, я намѣренъ обратить здѣсь вниманіе на произведенія трехъ поэтовъ. Это:

1) »Строфы«, краковское будто бы посмертное изданіе произведеній неизвѣстнаго автора, но, какъ меня увѣряли, принадлежащее перу довольно извѣстнаго, уже немолодаго польскаго поэта, проживающаго въ Варшавѣ [1]).

2) »Крестоносцы« Ф. Г. Новицкаго, еще очень молодого краковскаго студента, сына профессора Краковскаго Университета [2]).

3) Шуточное произведеніе Владиміра Высоцкаго »Веселая болтовня, очень польз-тельная для чтенія въ дни слякотные«,

---

[1]) Strofy. Wydanie pośmiertne. Kraków. 1886.
(Авторъ »Строфъ« — Aleksander Kraushaar. Прим. 1898 г.).

[2]) *F. H. Nowicki*: Krzyżacy. Nakładem Księgarni Katolickiej Dra Władysława Miłkowskiego w Krakowie (1886), стр. 11.

напечатанная въ варшавскомъ еженедѣльникѣ „Prawda“ (1887. NN. 5, 6 и 7) [1]).

Изъ названныхъ трехъ произведеній только »Строфы«, состоящія изъ отдѣльныхъ короткихъ стихотвореній, затрогивающихъ то обще-человѣческіе мотивы, то жгучіе вопросы дня, могутъ, по силѣ творческаго таланта, разсчитывать на болѣе продолжительное значеніе въ польской литературѣ. Два же остальныя принадлежатъ къ разряду произведеній эфемерныхъ, являющихся только выраженіемъ злобы дня, но послѣ извѣстнаго времени теряющихъ до извѣстной степени свое обаяніе и вообще значеніе. Это ни болѣе ни менѣе, какъ поэтическая публицистика. Кромѣ того, эти два произведенія совершенно различнаго рода. Въ »Крестоносцахъ« авторъ со всѣмъ жаромъ негодующаго сердца старается нарисовать раздирающую картину бѣдствій, постигшихъ польскихъ изгнанниковъ. Г. же Высоцкій въ шуточномъ, игривомъ тонѣ объясняетъ причину Бисмарковыхъ неистовствъ и потаканья имъ со стороны нѣмецкаго народа.

Въ »Строфахъ« имѣютъ отношеніе къ прусскимъ гоненіямъ на Поляковъ, между прочимъ, слѣдующія стихотворенія, представляемыя здѣсь мною въ дословномъ переводѣ:

[1]) Włodzimierz *Wysocki*: Gawęda wesoła w dni słotne do czytania nader pożyteczna.

Археологія будущаго.

Когда, копаясь въ отдаленномъ прошломъ, изслѣдуемъ его тайны, тогда умершіе вѣка приносятъ намъ каменныя урны, слезницы.

Но когда въ будущемъ глубокій изслѣдователь спустится въ бездонныя пропасти, то вмѣсто слезницъ — изъ нашей эпохи отыщетъ каменныя сердца.

Ясновидѣніе.

Часто жажду я въ сонной мечтѣ осматривать ликъ исторіи, хочу угадать въ ясновидѣніи таинственный фонъ будущаго.

И когда глаза, жаждующіе свѣта, углубляю такъ въ пророческія книги, вижу славянскія ладони, братски соединенныя надъ могилою прусскаго могущества.

Седанъ.

Когда пала Франція, — раздался протяжный ревъ. Пораженіе привѣтствовали какъ торжество: знамена галловъ, ихъ добродѣтели и заслуги попраны въ германской грязи.

И когда прусскій мечъ, продѣлывая чудеса, приносилъ Господу благочестивую дань крови, прогрессъ и свобода, человѣческая свобода народовъ пали въ ущельяхъ Седана.

Memento.

Указъ объ изгнаніи бѣжитъ изъ Берлина, съ гикомъ провозглашаетъ его врагъ... Толпы стариковъ, сиротъ, молодежи бросаютъ родной уголъ.

Не останутся пустыми эти мѣста! Пусть передъ ними врагъ дрожитъ! Ибо въ эти осиротѣвшіе углы вступятъ проклятія и слезы.

Еще мало!

Военная судьба подарила вамъ торжество, дала милліарды въ приданое, эмблему имперіи дала на знамени, принесла вамъ славу храбрыхъ (героевъ)...

У васъ есть уже колоніи по всему свѣту, вашъ вѣчный врагъ низвергнутъ... Вамъ еще мало! Еще вамъ хочется у ограбленныхъ отнять — лохмотья.

Защитники закона.

Когда сотни семей дуновеніемъ насилія были выброшены изъ родныхъ хижинъ, — тогда могущественный сеймъ глухимъ молчаніемъ освятилъ оскорбленіе, нанесенное человѣчеству.

Но уста сейма покрылись кровавою пѣною, затрясласъ его львиная грива, — когда хотѣли увеличить доходъ казны мелкимъ акцизомъ — съ пива...

Cras tibi.

Гдѣ же величіе могущественной Ромы? Гдѣ же блескъ Аѳинъ и Спарты? Разгромили ихъ удары судебъ, слѣдъ ихъ могущества изглаженъ.

Если мысль отправляется тою истиной, что могущество государствъ — дымъ, сердце скрытно радуется, что Пруссія сегодня — великанъ.

Tempora mutantur.

Широкое, великое обаяніе производилъ когда-то нѣмецкій духъ на сонмъ мудрецовъ; онъ создавалъ новые міры для умовъ, распространялъ гуманизмъ и культъ разума.

Теперь книга этого вліянія закрыта, оно заковано въ сталь и желѣзо; и германское вліяніе туда только простирается, куда досягаютъ удары крупповскихъ пушекъ.

Приведенныя »строфы«, конечно, во многомъ преувеличиваютъ и хватаютъ черезъ край. Онѣ отчасти несправедливы къ Нѣмцамъ и слишкомъ превозносятъ хотя бы, напримѣръ, заслуги Французовъ. Но вѣдь же въ поэзіи мы не ищемъ строгой объективной истины. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что эти стихотворенія въ изящной поэтической формѣ выражаютъ довольно вѣрно теперешнее настроеніе значительнаго большинства польскаго интеллигентнаго общества.

Молодой авторъ »Крестоносцевъ« поставилъ себѣ задачею изобразить ужасное положеніе бѣднаго польскаго люда, изгоняемаго безжалостно изъ предѣловъ Пруссіи. Въ частностяхъ здѣсь много промаховъ и противъ истины и противъ требованій эстетической послѣдовательности и законченности. Такъ, напримѣръ, самъ герой разсказа и его умирающая жена уже старики, а между тѣмъ у нихъ сынъ малолѣтокъ, — сочетаніе немножко невѣроятное. Затѣмъ, это крестьянинъ, »хлопъ«, который, однакожъ, скитался всю жизнь по разнымъ странамъ Европы, сражаясь вездѣ за свободу Польши. Родившись очевидно еще въ двадцатыхъ годахъ (въ моментъ разсказа, то-есть въ прошломъ году, ему уже болѣе шестидесяти лѣтъ), онъ былъ извѣстенъ въ познанскихъ »косыньерахъ«, раненъ на львовскихъ баррикадахъ, принималъ участіе въ венгерскомъ возстаніи (1848), сражаясь противъ Рус-

скихъ и Австрійцевъ. Затѣмъ, скитаясь въ Венгріи, въ Трансильваніи, въ Турціи, въ 1863 г. появился опять въ Польшѣ, чтобы бороться за ея свободу. Когда же розовыя мечты и надежды окончательно разсѣялись, нашъ герой оставилъ русскую Польшу и пріютился въ Силезіи, принявъ должность лѣсного сторожа. Нѣмцы однакожъ не оставили его здѣсь въ покоѣ; въ 1870 г. взяли его въ солдаты и потащили съ собою во Францію. Это ужъ по крайней мѣрѣ невѣроятно, такъ какъ почти пятидесятилѣтнимъ людямъ, даже кореннымъ нѣмецкимъ подданнымъ, не приходилось въ 1870 г. отбывать впервые воинскую повинность. Но всѣ эти несообразности и хронологическія неточности еще небольшая бѣда. Очевидно, нашъ поэтъ въ лицѣ своего героя хотѣлъ изобразить трагическую и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне жалкую судьбу польскаго народа за все это время. За то ужъ совсѣмъ непріятно поражаетъ національное хвастовство. Итакъ, нѣмецкіе лавры во Франціи въ 1870 г. куплены будто бы по преимуществу кровью сыновъ Польши. Въ концѣ же поэмы высказывается мысль, что Польша есть сердце славянства, и что если это единственное сердце перестанетъ биться, то и все великое славянство погибнетъ. Но простимъ автору эти маленькія увлеченія и займемся изложеніемъ содержанія его поэмы.

Въ началѣ поэтъ рисуетъ печальную картину разоренія и ожидаемаго несчастія. На угрюмомъ фонѣ бушующей ночью природы видимъ жалкую

лачугу, а въ ней при свѣтѣ плошки нашего лѣсника. На одну руку онъ опустилъ свою убѣленную сѣдинами голову, другою же дрожащею рукою сжимаетъ какое-то писаніе [1]). Возлѣ него лежитъ на смертномъ одрѣ старая блѣдная женщина въ полуснѣ. У ногъ же его стоитъ на колѣняхъ малый сынишко и съ поднятыми вверхъ руками посылаетъ къ небесамъ свои дѣтскія молитвы.

»Въ лѣсу воетъ буря дикими голосами, иногда громъ будитъ въ горахъ грозное эхо; но болѣе жестокая буря кипитъ въ душахъ этихъ людей, ибо въ надѣлъ досталась имъ печальная, тяжкая судьба. Этотъ мальчикъ вскорѣ... сиротою, отправится на широкій свѣтъ, какъ листъ, вѣтромъ гонимый. Для этой женщины уже блѣдная смерть отворяетъ своимъ крыломъ ворота глухой вѣчности. Этотъ бѣдный старикъ, лѣсникъ — онъ изгнанникъ! Не хотятъ его Нѣмцы, потому что онъ по польски плачетъ, потому что этотъ стонъ открываетъ глаза Славянамъ-мстителямъ и этимъ приводитъ въ ужасъ шайки крестоносцевъ. Это писаніе гонитъ его на скитальческіе дни«.

Въ головѣ старика всплываютъ мысли о далекомъ прошломъ, мысли-старики, какъ и онъ самъ. Родился онъ на мазовецкой нивѣ подъ Гроховымъ [2]). Отецъ его, польскій крестьянинъ, палъ отъ картечи въ Гроховскомъ сраженіи. »Избу вмѣстѣ съ матерью сожгли русскіе солдаты, готовя ребенку заранѣе судьбу скитальца«. (Почему? какая здѣсь логическая и причинная связь, поэтъ не объясняетъ).

---

[1]) Приказъ объ изгнаніи изъ предѣловъ Прусскаго королевства.

[2]) Мѣстность близъ Варшавы, извѣстная большимъ сраженіемъ въ 1831 г.

Затѣмъ исчисляются извѣстныя намъ уже скитанія нашего героя, его вольная борьба за свободу Польши и подневольная за объединеніе Германіи.

»Онъ вернулся наконецъ въ лачугу лѣсника, думая, что послѣ скитальческой жизни судьба даруетъ ему спокойствіе среди немногочисленной семьи. А теперь?... теперь опять нужно потащить старыя кости по большому, по широкому свѣту; а жена умираетъ, — дитя сиротою; и какая же доля (участь) сироты въ будущемъ?«

Тутъ поэтъ оставляетъ свой разсказъ и обращается къ Нѣмцамъ:

»А, Нѣмцы! Нѣмцы цивилизованные! Свѣтъ преклоняетъ чело передъ вами, передъ вами, потомками варварскихъ крестоносцевъ, грабителями имени истребленныхъ Пруссаковъ, змѣями, отогрѣтыми у груди Поляковъ! передъ вами, сыновьями убійства, внуками черной измѣны, скрытыми подъ фракомъ свѣтскаго лоска. Вашъ мѣдный лобъ свѣтъ оплетаетъ славою. — Вы велики! велики! вѣдь мѣдное лицо, кромѣ негодяевъ, дано тоже истуканамъ... Ты великъ, канцлеръ, на колесницѣ насилія! Подъ ея колесомъ — Поляки-славяне, подъ ея колеса Римъ бросаетъ крестъ. — О великъ ты, крестоносецъ, — славою Герострата!«

Послѣ этого отступленія въ сторону Нѣмцевъ авторъ возвращается къ прерванному разсказу.

Малый Янэкъ (Ваня) окончилъ уже молитвы, всталъ и спрашиваетъ отца, почему онъ такъ груститъ, и какое это писаніе сжимаетъ въ рукѣ.

»Ахъ! я боюсь... вѣтеръ гудитъ такъ свирѣпо, молнія сверкаетъ... что-то дико воетъ со стороны лѣса... О, какъ тамъ страшно должно быть на свѣтѣ!«

»Вздрогнулъ старикъ, грудь что то сдавило, посмотрѣлъ печально на жену, на сына: »Тише, мой ма-

лютка... мать еще спитъ... Не пугайся бури, ибо ты долженъ заблаговременно учиться идти въ бурю всю жизнь твою...«

»Отецъ, почему вы говорите такъ печально? Почему въ бурю?... я боюсь бури...« — »Не бойся, милый, — охъ, ничто тебѣ не предвѣщаетъ, что жизнь твоя когда нибудь прояснится. — Вотъ, что тебя ожидаетъ: посохъ, нищенская сума, — ибо такую участь нѣмецъ тебѣ предназначаетъ...«

Эти слова прерываетъ стонъ больной женщины, тихо приподнявшейся на постели. Предчувствуя скорую смерть, она проситъ привести ей священника и тревожится мыслью о томъ, что сдѣлается съ ея Янкомъ (Ванею) послѣ ея смерти.

Лѣсникъ хочетъ идти за священникомъ. Но »вдругъ блѣднѣетъ и напрягаетъ слухъ, хватается за грудь и пятится къ двери, и какія то слова шепчетъ въ безпамятствѣ: »Боже мой!... Боже!... это они... я пропалъ...«

»Въ лѣсу что-то слышится, — что то гудитъ тамъ глухо; — вѣтеръ несетъ эхо конытъ, быстрой ѣзды... Темно, — на мгновенье выглядываетъ изъ-за облаковъ холодное, безчувственное лицо ночной звѣзды. Бѣлѣетъ дорога, — тамъ видны вдали фигуры всадниковъ, — оружіе сверкаетъ сбоку, — блестятъ каски, среди волнъ тумана несутся какъ духи, посланцы темноты, — угрюмые призраки прошедшаго, потомки крестоносцевъ, прусскіе жандармы...

Быстро прискакали, хату лѣсника со всѣхъ сторонъ окружили; входятъ внутрь. Лѣсникъ умоляетъ ихъ: »сжальтесь! смилуйтесь!... жена умираетъ... позвольте ей умереть... она не знаетъ объ изгнаніи«...

Жандармъ не слушаетъ, направляется прямо

въ избу, вынимаетъ бумагу: »По приказанію канцлера вы изгнаны изъ предѣловъ королевства, потому что вы не королевскіе подданные. Послѣдній срокъ, — мы ждали долго, повозка тамъ уже ждетъ — въ походъ, холопъ! ступай!

»Глухо застонала несчастная мать, поднялась, — дрогнула, — пала какъ мертвая... — »Сжальтесь! смилуйтесь!... позвольте, господа«... Застоналъ лѣсникъ и палъ на колѣни... »Она умираетъ... позвольте священника... Канцлеръ, хотя и нѣмецъ, но въ такомъ несчастіи, можетъ быть, пойметъ человѣческій плачъ... позволитъ...«

» Приказъ! здѣсь нужно слушаться!« жандармъ сказалъ: »знаешь-ли ты, что такое приказъ, глупый польскій хамъ? Здѣсь не Польша!« и поднялъ руку — »въ походъ! маршъ съ нами, а то возьмемъ силою!

Огнемъ засверкалъ глазъ лѣсника... Онъ вскочилъ съ полу и разорвалъ рубаху, обнажилъ грудь и ея гордые рубцы: »Сюда посмотрите, вы, прусскіе солдаты[1]). Русскія, прусскія, австрійскія пули здѣсь, на этой груди начертали знаки полувѣковой« (?) »борьбы за польскую отчизну. Сорвите эти рубцы, посѣянные здѣсь на груди, и тогда я перестану быть сыномъ Польши!... Этотъ рубецъ изъ Франціи, этотъ орденскій крестъ, знакъ вашихъ побѣдъ, знакъ измѣны Базена»(?)« ... не хочу ихъ... они жгутъ... позорятъ... берите ихъ, враги, и бросьте ихъ канцлеру подъ ноги, какъ я бросаю вамъ, обрамъ его государства... Пусть онъ украшаетъ крестомъ свою дьявольскую грудь, пусть онъ [крестъ] принесетъ ему истребленіе и уничтоженіе. — Плюю съ презрѣніемъ на ваши подданства. Берите меня теперь... убей-

[1]) По польски здѣсь слово *żołdaki*, презрительное названіе для солдатъ, которые въ прямомъ смыслѣ называются по польски *żołnierze*. Не знаю, какъ передать по русски этотъ оттѣнокъ. Солдафоны, какъ шуточное и балаганное, сюда не подходитъ: наемная же солдатчина — слишкомъ длинное описаніе.

те мою жену... изгоните сына... на широкій свѣтъ... на тяжелую участь... Берите проклятіе, извергнутое изъ груди, на смерть!... на погибель!... на презрѣніе свѣта!

»Поспѣли отъ гнѣва великіе сыны Марса, опозорены лавры Мецовъ, Седановъ и посрамлено прусское величіе! Скочили впередъ герои-палачи, жандармъ ударилъ лѣсника кулакомъ по лицу, другіе бросили его на земь, связали« ...

Ваня, видя, что дѣлается съ отцомъ, бѣжитъ его защищать отъ прусскихъ »разбойниковъ« и въ отчаяніи призываетъ на помощь мать. Жандармы не позволили ему долго кричать; одинъ изъ нихъ быстрымъ ударомъ повалилъ мальчика на земь.

Это зрѣлище истязанія ребенка подымаетъ на ноги умирающую мать.

»Стонъ ребенка разбудитъ мать въ могилѣ; — она протягиваетъ руки... глаза засверкали... заслоняетъ сына... и хрипыя слова дрожатъ на ея устахъ какъ могильный напѣвъ.

»»Воинъ отъ ребенка! вы... вы... вы... Пруссаки!... Вы... хуже проклятія... нѣтъ... не могу найти... Проклятые!... ребенка бить... воинъ!... здѣсь Поляки!«... Шатается, наклоняется, падаетъ на земь...

»Молчаніе воцарилось въ хатѣ лѣсника, — солдатъ ладони оковало проклятіе, и ангелъ смерти тихо витаетъ, орошая слезою мученичество польскаго народа«.

Непосредственно за этимъ слѣдуетъ финалъ, окончаніе поэмы, сочетающее въ себѣ указаніе на дальнѣйшую судьбу лѣсника съ историческими отголосками общаго характера. Въ самомъ же концѣ поэтъ совсѣмъ въ сторонѣ оставляетъ свое повѣ-

ствованіе и обращается съ горячими словами ко всему славянскому племени.

Вѣтеръ качаетъ деревья въ лѣсу и клубитъ ночные туманы, и отдаленный громъ будитъ сіяніе горы, и мѣсяцъ печальную думу думаетъ на траурномъ фонѣ тучи; мерещится оврагъ — на пути — тамъ въ отдаленіи; опять скачутъ всадники, повозка черпѣетъ, катится. Въ повозкѣ лѣсникъ; глаза его потухли, вѣтеръ развѣваетъ на лбу сѣдые волосы; а въ ногахъ Ваня, отрокъ-сирота; — мчатся, бѣгутъ, — охъ, спѣшатъ идти на бѣдствіе! Мчатся туда — на востокъ, уходятъ вдаль славянскія дѣти передъ германскою волною. Лѣсъ грустно шумитъ и проливаетъ слезы росою, и вѣтеръ завываетъ и грустную пѣсню поетъ, и странные звуки расточаетъ въ этой пѣснѣ, точно какія-то сказки и преданія: Песьихъ Полей, Грюнвальда баетъ старые слухи, шелеститъ ленными знаменами гросмейстеровъ и съ бѣшенымъ визгомъ бьетъ въ основанія горъ, съ адскою пѣсней вѣроломства, измѣны... И плетъ побѣдные возгласы въ облачную высь небесъ, точно въ рѣшительную минуту вѣковъ славитъ торжество возмездія, торжество свободы! А въ отдаленіи всадники... лѣсникъ... повозка катится... черпѣютъ... мерещатся.... уже исчезли въ темнотѣ. — Ахъ! увидятъ-ли ихъ еще чьи либо глаза?

Въ заключеніе поэтъ обращается ко всѣмъ Славянамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

»Родъ славянскій! ты, спящій великанъ! Когда же откроешь глаза отъ вѣкового сна? Когда же тою силою, что дремлетъ въ твоемъ лонѣ, поставишь преграду германскимъ грабителямъ? Десять столѣтій продолжался твой каменный сонъ, стомилліонный народъ, стоименный! Десять столѣтій волкъ Герцинскихъ лѣсовъ бѣшеными шайками кровожадныхъ уродовъ терзаетъ, пожираетъ твое гигантское лоно, кровь твою сосетъ нена-

сытною пастью, вонзаетъ когти съ бѣшенствомъ гарпіи, цѣпенитъ твои члены жаломъ черной змѣи; — а ты, великанъ, спишь, — и иногда во снѣ, когда ужъ боль слишкомъ велика, рыкнешь страдальчески, стряхнешь одного волка съ окровавленною пастью и отодвигаешь бокъ свой передъ ордой на сто миль; затѣмъ опять погружаешься въ свой сонъ безпрерывный, а волки гонятся за тобою, причиняя тебѣ новыя кровавыя раны. Родъ славянскій! ты могъ спать такъ долго, хотя твои члены обливались кровью. Теперь ты не можешь спать, потому что теперь въ твое сердце, въ твое польское сердце прицѣливаются убійцы. У тебя только одно это сердце, стоголовый родъ! Когда потеряешь его, всѣ твои головы падутъ!

О, проснись, проснись, славянскій великанъ! выйди изъ гроба вѣковъ какъ утреннее зарево, и загреми въ славянскія гусли гнѣвомъ Перуна. Дохни местью, — вырой твой жреческій топоръ, подними его на карликовъ, которые въ теченіе многихъ вѣковъ обливали кровью твои сонныя вѣки. Брось на ихъ спины Татры и Балканы, собери въ свою гигантскую грудь ураганы твоихъ трехъ морей, и дохни ужасно туда, въ землю запада, за Лабу вымети дикое племя убійцъ; на каждую милю, отдѣляющую тебя отъ нея (отъ Лабы), стомилліонный, кинь милліонъ мстителей! Родъ славянскій! жрецъ будущаго! Сто головъ несвободныхъ разукрась лавромъ свободы, сотнею плечъ подыми судьбы Европы, — а польское сердце залѣчитъ вѣковые удары .

Въ этомъ заключительномъ обращеніи, — становящемся, впрочемъ, къ концу нѣсколько слабѣе начала, а съ другой стороны своимъ патріотическимъ самовосхваленіемъ и нѣкоторыми риторическими прикрасами производящемъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, — поэтъ высказываетъ свои

pia desideria, то есть вручать судьбу Польши въ руки всего славянства.

Замѣчательно, что герой »Крестоносцевъ« не князь, не графъ, и даже вообще не дворянинъ, — каковымъ онъ долженъ былъ бы быть непремѣнно у прежнихъ польскихъ поэтовъ, — но простой крестьянинъ, крестьянинъ, правда, невѣроятный, но все таки крестьянинъ. Въ этой демократизаціи поэтическаго матеріала, — да притомъ матеріала столь важнаго, ибо олицетворяющаго собою исторію Польши въ теченіе полустолѣтія, — я вижу весьма отрадное явленіе.

Авторъ комическо-поэтическаго разсказа *Gawęda wesoła*.... Владиміръ Высоцкій (поэтъ, пользующійся довольно почетною извѣстностью въ новѣйшей польской литературѣ) [1]), фантастически-шуточнымъ образомъ объясняетъ происхожденіе и подвиги теперешняго главнаго политическаго воротилы, друга и сообщника папы Льва XIII-го, всемогущаго германскаго канцлера, фонъ-Бисмарка.

Дѣло въ томъ, что чортъ или бѣсъ, получивній когда-то отъ Лютера жестокій ударъ по головѣ чернильницей и подвергающійся за это повсемѣстному осмѣянію, сгараетъ жаждою мести, но никакъ не можетъ придумать подходящаго способа. Не будучи же въ состояніи отомстить самому Мар-

[1]) Умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Прим. 1898 г.

тину Лютеру, какъ давно отошедшему въ вѣчность, онъ рѣшилъ напакостить землякамъ знаменитаго реформатора. Можетъ быть, по собственной инициативѣ нашъ глупый бѣсъ не ощущалъ бы вовсе потребности смыть позорное пятно, лежащее на его дьявольской чести, еслибъ не то обстоятельство, что его товарищи по ремеслу, другіе черти, безжалостно надъ нимъ издѣвались, а самъ царь преисподней, Вельзевулъ (Belzebub), выгналъ его изъ ада на всѣ четыре стороны и запретилъ ему показываться на глаза до тѣхъ поръ, пока онъ не отомститъ Нѣмцамъ. — И такъ, бѣдный чортъ шляется по землѣ, туда и сюда, но ничего путнаго придумать не можетъ; а между тѣмъ Лютерово племя, т. е. Нѣмцы, растетъ все въ славѣ и могуществѣ, производитъ великихъ философовъ и поэтовъ, распространяетъ идеи гуманности, идеи прекраснаго и абсолютной правды. Бѣсъ этимъ сильно сокрушается, но ничего подѣлать не можетъ.

Блуждая такъ безцѣльно, въ одну темную ночь очутился онъ на Балтійскомъ поморьѣ и задумался про свою судьбу. Вдругъ какой-то всадникъ передъ нимъ останавливается. Этотъ всадникъ — собственная жонка нашего чорта, прискакавшая на лопатѣ, и искавшая безуспѣшно своего супруга цѣлыхъ триста лѣтъ. Найдя его наконецъ, устраиваетъ ему бурную сцену ревности. Чорту, однакожъ, удается смягчить гнѣвъ своей благовѣрной, которая, затѣмъ, разсыпается въ нѣжностяхъ, укоряетъ мужа за то, что онъ всегда избѣгалъ ея ласкъ, и убѣждаетъ

его въ необходимости имѣть сына. Результатомъ этихъ ласкъ и нѣжностей, совершаемыхъ на мрачномъ фонѣ неприглядной природы и въ присутствіи разныхъ безобразныхъ животныхъ, является впослѣдствіи рожденье маленькаго Бисп (Bisio) или Бѣсп (Biesio) [1]).

Неподалеку отъ этого мѣста жилъ-проживалъ въ древнемъ замкѣ старикъ баронъ со старухою баронней. Жили они другъ съ дружкою хорошо, но счастье ихъ омрачала бездѣтность. Пустоту своей жизни они наполняли то воспитаніемъ собачекъ и конекъ, то чтеніемъ Библіи, то, наконецъ, супружескими спорами и ссорами.

Въ одинъ солнечный день, находясь въ хорошемъ настроеніи и въ полномъ обоюдномъ согласіи, пошли они гулять, въ сопровожденіи своихъ собачекъ и лакея въ нарядной ливреѣ. Вдругъ натыкаются на что-то.

»Смотрятъ: ребенокъ, при немъ записка. Баронъ надѣлъ очки, читаетъ: »Рожденъ въ сегодняшнюю ночь отъ благородной, достойной четы, нѣмецъ — имя его: Бисп (Bisio).« Внизу же приписано: »Кто-бы ты ни былъ, баринъ или мужичокъ, усынови этого мальчика!

»Баронъ и баронша онѣмѣли, поглядывая на себя попеременно, а передъ ними спалъ на землѣ здоровый и румяный ребенокъ. Онъ былъ »толстячкомъ« не въ шутку! Ядреный, тучный, крѣпкій, личико круглое, носъ вздернутый, точно чуетъ что-то кругомъ... Баронъ и баронша долго стояли и молчали, — но очевидно

[1]) Первое есть уменьшительное отъ Бисмаркъ, второе — отъ бѣсъ; они обозначаютъ одно и то же существо, благодаря звуковой близости биса (Бис-маркъ) и бѣса.

и безъ словъ поняли другъ друга, ибо бросились другъ другу въ объятія; затѣмъ, отерши двѣ слезки, барыня обращается къ лакею: »Гансъ, брось собачекъ и возьми въ замокъ — барича...«

Въ роскошной обстановкѣ древняго замка спитъ ночью въ своей люлькѣ маленькій Бѣся (Biesio). Въ люльку заглядываетъ тихій свѣтъ луны.

»Вдругъ за окномъ двѣ фигуры показались въ полутѣни, прискакали на лопатѣ, входятъ тихо по лунному лучу и, ставъ у люльки, наклонились надъ ребенкомъ: дьяволыца же нѣжно шепчетъ:

»» — Люли, сынокъ ты мой милый! Грустно течетъ въ ночную тишину задушевная пѣсенка твоей матушки; пусть она тебя сладко усыпитъ: спи, маленькій! люли, люли!

»Расти къ утѣшенію маменьки, расти къ утѣшенію папеньки. Я снабдила тебя имуществомъ, ты будешь могучъ и богатъ; не коснутся тебя стрѣлы, не задѣнетъ ударъ пули... Спи, баловень ты мой золотой, люли, мой сыночекъ, люли!...

»Лукавый душою, крѣпкій тѣломъ, ты овладѣешь кормиломъ правленія; станешь идеаломъ земляковъ, станешь героемъ вѣка. Твой штыкъ напишетъ людямъ евангеліе новой вѣры: пушки — станутъ ихъ идолами, казармы — ихъ церквами. А ты, полный гордости, взойдешь на алтарь въ блескѣ славы: и покорныя толпы воскликнутъ: »Вотъ богъ нашъ въ прусской каскѣ!« Изъ философовъ ты сдѣлаешь пресмыкающихся, готовыхъ по одному мановенію отдавать подъ твои приказанія правду, достоинство и совѣсть. Вѣроломцы въ тогахъ мудрецовъ будутъ отравлять ядомъ лжи человѣческій умъ, душу, сердце... Люли, мой Бѣсенька, люли!

»»Когда-же гадкій червь дикихъ пистинктовъ сточитъ уже твой народъ, тогда ты раздуешь пузырь славы, чтобы пускать пыль въ глаза своимъ землякамъ. Загля-

дѣвшись на такую игрушку, они станутъ безсмысленнымъ стадомъ и потеряютъ чутье и память всего того, что составляетъ правду и свободу. А если кто-нибудь попробуетъ заставить ихъ одуматься, твой кулакъ зажметъ ему ротъ... Люли, мой Бѣсенька, люли!

»»За твои подвиги и заслуги адъ щедро тебя наградитъ: дастъ тебѣ жизнь громкую, долгую. Въ концѣ концовъ черти тебя возьмутъ и помѣстятъ по возможности глубже въ пасѣкѣ огненныхъ ульевъ. Мой сынъ тамъ не простудится!... люли, мой сыночекъ, люли!...«

»Когда дьявольша окончила свою пѣсеньку — [мальчикъ даже просвѣтлѣлъ отъ нея!] —, тогда бѣсъ запустилъ руку въ карманъ своихъ брюкъ и, доставъ изъ него надтреснутую и пузатую чернильницу, положилъ ее въ люльку: »На, вотъ тебѣ этотъ подарокъ отъ тятеньки; возьми его себѣ въ наслѣдіе и помни, что имъ отца твоего чуть не изуродовалъ Лютеръ-разбойникъ. Пусть эта черная чернильница всегда тебѣ напоминаетъ, что обязанность сына — отомстить обиду, нанесенную родителю««.

Въ продолженіе всей своей жизни Бѣся свято исполняетъ завѣщаніе своихъ родителей. Остальныя двѣ трети поэмы посвящены описанію его подвиговъ, имѣющихъ цѣлью напакостить нѣмецкому народу за дерзость Лютера.

Сверхъестественное происхожденіе Бѣси сказывается сейчасъ же на второй день его пребыванія въ замкѣ усыновившаго его барона. Онъ не хочетъ вовсе кормиться грудью женщины, — хотя баронъ велѣлъ подыскивать для него множество кормилицъ. Кусаетъ грудь до крови [у него уже были зубы] — да и только. Точно такъ-же знать не хочетъ дѣтской мучки Нестли и все реветъ да

реветъ. Названные родители теряютъ голову, какъ вдругъ — къ общему удивленію — ребенокъ заоралъ: »пива!« — Баронъ въ восхищеніи вскричалъ: »молодецъ! вотъ настоящая нѣмецкая кровь! ребенокъ будетъ искреннимъ патріотомъ, бравымъ пруссакомъ!«

Итакъ, вскармливаемый пивомъ вмѣсто молока, маленькій Бѣся ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и черезъ годъ смотритъ ребенкомъ сказочнаго великана. Дѣтство его проходитъ въ грубыхъ шалостяхъ и проказахъ: бьетъ прислугу, уродуетъ ея физіономіи, душитъ собственноручно маленькихъ котятъ, вытаскиваетъ птичекъ изъ гнѣздъ и истребляетъ ихъ усердно, — однимъ словомъ, наслаждается страданіями живыхъ существъ. Наконецъ, это пугало всѣхъ окружающихъ было отдано въ столичную школу.

Хотя въ школѣ ничего не дѣлалъ, все таки былъ любимцемъ всѣхъ и везло ему отлично. — Поступивъ же въ университетъ, пользовался громаднымъ успѣхомъ между товарищами-буршами, которымъ импонировалъ и ростомъ, и задоромъ, и дерзостью, и, при случаѣ, воодушевленіемъ новичиста. Подъ вліяніемъ подобнаго воодушевленія провозглашалъ онъ въ »кнайпахъ« слѣдующія новыя мысли:

»Наше племя уже отъ природы имѣетъ преимущество передъ другими: Нѣмецъ силою своей культуры долженъ сдѣлаться владѣтелемъ земли! Но дойти до этого мы можемъ не тѣмъ путемъ, какъ до сихъ поръ: нашъ гуманизмъ есть заблужденіе: это мѣшокъ, надѣтый на

голову, помрачающій умъ, стѣсняющій свободу движеній, каждому дѣйствію прививающій безсиліе. Поэтому мы, точно мухи, жужжимъ въ паутинѣ пустыхъ принциповъ! Чувствительность развинчиваетъ насъ, губитъ насъ сентиментализмъ! Погибаетъ наша старая удаль, тевтонизмъ и вандализмъ! Гей! кто изъ стали, а не изъ масла, стряхни съ себя плѣсень чувствительности! Вонъ мечты, тошноту наводящіе лозунги! Нашъ лозунгъ — сила мышцъ!!«

Всѣ присутствовавшіе съ восхищеніемъ выслушивали, какъ Бѣся такъ ораторствовалъ и при этомъ съ ожесточеніемъ билъ кулакомъ по столу. Только иногда отъ дверей слышался протестующій возгласъ: »онъ лжетъ!« Произносила же это почтенная дама — нѣмецкая этика. Прежде она пользовалась гораздо бо́льшимъ почетомъ, но все таки еще и теперь считались съ ея мнѣніемъ и боялись ея приговора. И вотъ эта матрона постоянно подстерегала Бѣсю и старалась портить впечатлѣніе его дерзкихъ и безнравственныхъ рѣчей. Бѣся бѣсился и обдумывалъ планъ мести. Наконецъ онъ рѣшилъ жестоко отомстить своей гонительницѣ.

На одномъ изъ предмѣстій столицы въ жалкомъ домикѣ, среди черни и нищеты, проживали вмѣстѣ съ нѣмецкою этикой ея дочери, нѣмецкія добродѣтели, изгнанныя теперь туда изъ пышныхъ дворцовъ на *Friedrichsstrasse* или же на *Unter den Linden*, гдѣ онѣ помѣщались раньше. Въ одну ночь, когда самой этики не было дома, Бѣся снаряжаетъ экспедицію пьяныхъ буршей къ ея дочерямъ, которыя и подвергаются позорному изнасилованію. Подымается суматоха, призываютъ поли-

цію. Возвращается несчастная этика и видитъ въ отчаяніи, что сдѣлали съ ея дочерьми. Наряжаютъ слѣдственную комиссію, которая и открываетъ преступниковъ. Но Бѣся, чуя недоброе, благоразумно улепетываетъ домой, въ Померанію.

Тамъ онъ находитъ своихъ названныхъ родителей уже совсѣмъ одряхлѣвшими, такъ что безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія захватываетъ бразды правленія и начинаетъ владѣть единолично замкомъ и имѣніемъ, не стѣсняясь никакими требованіями совѣсти и нравственности, а за то притѣсняя на всевозможный ладъ своихъ вассаловъ и подданныхъ.

Въ числѣ принадлежащихъ Бѣсѣ деревень была тоже одна цвѣтущая деревня, отличающаяся тѣмъ отъ прочихъ, что на *„morgen“ (gut Morgen)* отвѣчаетъ не *„morgen“*, но *„niechaj będzie pochwalony“* [1]). Туда Бѣся направлялъ тоже свои набѣги, привлекаемый преимущественно красотою женщинъ и плодородіемъ полей. Но на всѣ его ухаживанія отвѣчали тамъ отказомъ и дали ему понять, чтобы онъ укротилъ свои порывы.

Разсерженный этимъ, Бѣся рѣшилъ стереть въ пухъ и прахъ упрямыхъ людей и не давалъ имъ вовсе покоя, угнетая ихъ на всевозможные лады. Часто устраивялъ травли на польскую деревню во имя превосходства своей культуры, навязы-

[1]) *Niechaj będzie pochwalony Jezus Chrystus* (пусть будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ) — обычное привѣтствіе польскихъ крестьянъ.

вая насильно Славянамъ пангерманскіе идеалы. Наконецъ издалъ циркуляръ: »Кто привѣтствуетъ »похвалёнымъ« (pochwalony), долженъ будетъ подвергнуться наказанію или же изгнанію вонъ изъ волости«. Однакожъ жители этой деревни не бросили своей родной рѣчи ради глупаго барскаго каприза, и стали еще громче говорить при встрѣчѣ: *pochwalony.* Бѣся пришелъ въ ярость и, чтобы окончательно сломать рога строптивой голи, придумалъ новое гнусное средство.

»Въ кабинетѣ у конторки съ перомъ въ рукѣ сидитъ Бѣся, надъ сверткомъ бумагъ наклонилъ красный, точно мѣдный, затылокъ. Передъ нимъ стоитъ большая, какъ горшокъ, чернильница; это извѣстная чернильница Лютера, полученная Бѣсей отъ родителя.

»Нахмурившись, Бѣся безпрестанно обмакиваетъ перо и пишетъ указъ объ изгнаніи. Поздно въ ночь скребетъ перомъ; уже одолѣла его сонливость, какъ вдругъ онъ слышитъ возлѣ себя: правда... любовь... справедливость. Онъ задрожалъ весь съ ногъ до головы, оглянулся: позади него, у дверей стоитъ нѣмецкая этика, вперивъ въ него строгій взоръ. Нѣтъ вѣнца на ея челѣ, лицо похудѣло, покрылось морщинами; платье въ заплаткахъ и оборвано, какъ лохмотья. Но, не смотря на дыры въ одеждѣ, не смотря на страдальческое выраженіе лица, видно на лицѣ достоинство и величіе, и огонь въ ея глазахъ горитъ:

»»Я нашла дракона въ его норѣ, но не пугаетъ меня эта ехидна. Прежде я о немъ говорила »лжетъ«, теперь уже знаю, что и убиваетъ! Вотъ новое, неслыханное злодѣйство надъ бѣднымъ населеніемъ. Насилія Діоклеціана блѣднѣютъ передъ твоимъ указомъ, которымъ ты размозжаешь и лишаешь имущества толпы стариковъ,

дѣтей, вдовъ. Скажи, каковы твои стремленія? каковы лозунги и принципы? Мои дочери въ презрѣніи; ударъ нанесенъ мнѣ прямо въ сердце, но онъ не убилъ бѣдной матери. Она во всякое время будетъ вопіять, что ты врагъ человѣчества; будетъ спрашивать тебя, извергъ: гдѣ предѣлъ твоихъ мерзостей?

Но вдругъ Бѣся крикнулъ: »Довольно твоего визжанія, сука! Долго ли буду переносить тебя съ надоѣдливымъ твоимъ нравоученіемъ? Узнай же сегодня, голубушка, что мой принципъ — вотъ этотъ твердый кулакъ, моя эмблема — сила, а мой лозунгъ — *ausrotten!*« И, говоря это, Бѣся схватилъ со стола свою громадную чернильницу и такъ сильно ударилъ этику по серединѣ лба, что обильно брызнула кровь. Зашаталась она полумертвая, но Бѣся далъ ей колѣномъ сзади тумака, и она очутилась за дверью, эта провозвѣстница правды.

Когда она пришла въ себя отъ обморока и опять стала на ноги, прежнихъ чувствъ ни тѣни; мозгъ помутился у нея бѣдной. Вся память послѣ этого удара изгладилась у нея, исчезла, и въ этомъ хаосѣ только одно *ausrotten* все мерещится. Молніеныя стрѣлы зрачковъ уже не блестятъ, — глазъ потухъ, на лицѣ улыбка идіота, а на губахъ лозунгъ Бѣси. И вотъ съ этимъ лозунгомъ пошла она опять между людей и безсознательно будитъ въ нихъ новымъ словомъ новые принципы. Не одному былъ загадкою этотъ поворотъ въ нѣмецкой этикѣ, однакожъ каждый безсмысленно повторялъ за нею: *ausrotten!* Съ этимъ лозунгомъ бабенка странствуетъ по селамъ и городамъ, и ежедневно, ежечасно растетъ толпа ея приверженцевъ. Всякая новизна имѣетъ свои прелести, которыя рабски влекутъ за собою чернь: *Ausrotten!* теперь швабы во всю глотку вездѣ орутъ, повторяютъ всѣ уста... Пѣснотворецъ вплетаетъ его [это слово] въ свои строфы, бюргеръ — любитель пива, толстая *Gretchen*, народъ, войско, философы, даже каждый мальчуганъ поетъ *ausrotten*. Въ театрахъ же и садахъ игра-

ютъ *Ausrotten-Walzer*, модными сталъ цвѣтъ *ausrotten*, тоже духи *ausrotten*, шляпы, пудра, помада... *Ausrotten* — теперь ихъ гордость, національный культъ, принципъ! *Ausrotten* — эпидемія, которая среди нихъ теперь распространяется, вся земля ею пропитана... Слава вамъ, культуртрегеры!«

Этимъ оканчивается »Веселая Болтовня« Владиміра Высоцкаго. Въ художественномъ отношеніи она — произведеніе, во всякомъ случаѣ не первокласное. Если же я все таки такъ долго о ней говорилъ и столько мѣстъ перевелъ дословно, такъ это только потому, что вижу въ ней, какъ и въ другихъ раньше указанныхъ стихотвореніяхъ, проявленіе новаго и, можетъ быть, уже рѣшительнаго поворота въ политическомъ настроеніи значительной части интеллигентнаго польскаго общества. Этотъ поворотъ ознаменовался тоже многими другими литературными произведеніями. Почти всѣ выдающіеся польскіе писатели вошлотили въ поэтической формѣ или же въ формѣ простого разсказа свое негодованіе и ненависть противъ Бисмарка и его сподвижниковъ [1]).

Ненависть, конечно, чувство гадкое и скорѣе разрушающее, чѣмъ созидающее. Но что же дѣлать?

---

[1]) Сюда относится, между прочимъ, разсказъ В. Окопскаго (псевдонимъ Ал. Свентоховскаго) *„Oddechy“*, помѣщенный въ прошломъ году въ еженедѣльникѣ *„Prawda“*.

Въ настоящемъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ Поляки ни при чемъ. Не они вызвали гоненіе; а гоненіе это начато Нѣмцами-пруссаками съ холоднымъ, обдуманнымъ цинизмомъ. Кто же можетъ пенять на народъ, возненавидѣвшій такого рода гонителей? Напротивъ того, я думаю, что не заслуживалъ бы ни малѣйшаго уваженія народъ, прощающій подобныя обиды и переносящій съ телячею покорностью истребительный походъ Бисмарковъ и другихъ имъ подобныхъ молодцовъ.

Станетъ ли дремлющая въ сердцахъ Поляковъ ненависть когда-нибудь живою силой, если не измѣняющей вѣковое теченіе подъ лозунгомъ „Drang nach Osten“ въ теченіе противоположное „Drang nach Westen“ [объ этомъ пока нечего думать Славянамъ], то, по крайней мѣрѣ, успѣшно останавливающей побѣдные набѣги Тевтоновъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать не надъ Вислою, но преимущественно надъ Невой и Москвой-рѣкой[1]).

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Дерптъ, февраль 1887 г.

---

[1]) Эти заключительныя слова, отмѣченныя здѣсь разрядкою, были устранены обѣими редакціями, какъ редакціей »Извѣстій славянскаго благотворительнаго Общества«, такъ и редакціей »Русскаго Дѣла«. (См. выше, стр. 6). — Статья »Изъ новѣйшей польской поэзіи« должна была быть помѣщена въ апрѣльской книжкѣ »Извѣстій« 1887 г. (N. 4, стр. 206—215), между статьями М. Дринова и А. Будиловича. Прим. 1898 г.

1.00

Научная библиотека СПбГУ
1001880110

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

И. А. БОДУЭНЪ-де-КУРТЕНЭ (J. Baudouin de Courtenay):

Нѣкоторые отдѣлы »сравнительной грамматики“ словянских языков. Варшава. 1881. 15 коп.

Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Воронежъ. 1882. 15 коп.

Übersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den anderen arioeuropäischen (indogermanischen) Sprachen. Leipzig, 1884.

Z powodu jubileuszu profesora Duchińskiego. Kraków, 1886. 30 крейц.

O zadaniach językoznawstwa. (Warszawa, 1889). 20 коп.

O ogólnych przyczynach zmian językowych. (Warszawa, 1890). 30 коп.

Jedna z kwestji spornych pisowni polskiej. Warszawa, 1890. 15 коп.

Jedna z kwestji spornych pisowni polskiej. Warszawa, 1891. 30 коп.

Изъ лекцій по латинской фонетикѣ. Воронежъ, 1893. 1 руб. 30 коп.

О Славянахъ въ Италіи. (Москва. 1893). 15 коп.

Два вопроса изъ ученія о »смягченіи« или палатализаціи въ славянскихъ языкахъ (Zwei Fragen aus der Lehre über die Palatalisation in den slavischen Sprachen). Юрьевъ (Dorpat), 1893. 30 коп.

Vermenschlichung der Sprache. Hamburg, 1893.

Il Catechismo resiano. Udine, 1894.

Próba teorji alternacyj fonetycznych. Kraków, 1894. 1 гульд. 50 кр.

Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Strassburg, 1895.

Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. St. Petersburg, 1895. 6 руб. = 15 марокъ.

Кашубскій »языкъ«, кашубскій народъ и »кашубскій вопросъ«. С.-Петербургъ. 1897.

Jeden z objawów moralności oportunistyczno-prawomyślnej. Kraków. 1898. 20 крейц.

R. Baudouin de Courtenay:

Korespondencja poufna ex-agenta dyplomatycznego z damą dworu i wyjątki z jej dziennika od r. 1813—1819. Kraków, 1896. 15 коп. = 20 крейц.

Nowe materjały do dziejów Kościuszki (Archiwum księcia Woroncowa). W Krakowie, 1889. 30 крейц.

Sylwetki polityczne (Ksiądz Stanisław Stojałowski, Ignacy Daszyński, Jakób Bojko, Jan Stapiński, Karol Lewakowski). Z pięciu portretami. Kraków, 1897. 20 крейц.